

Борисъ Поплавскій
(7. 6. 1903 — 9. 10. 1935)

ИЗЪ ДНЕВНИКОВЪ

1928 --- 1935

П А Р И Ж Ъ

1938.

20. 12. 28.

Трогательно только то, чего коснулась, чего касается, къ чему склоняется смерть. Вотъ если бы не писать ничего, думаю я, тогда все было бы по-настоящему передъ Богомъ отъ любви къ искусству. Стихи, это загробная жизнь чувствъ, безсмертіе ихъ души. Но жизнь только потому и трогательна, что безсмертіе души не очевидно. Только потому она тогда звенить чисто, какъ золотая монета, падаемая въ море. Ахъ, этотъ жестъ для Поликрата чистая ложь и порнографія. А рыба стихотворенія всегда все приносить въ разинутой пасти, всѣ потерянные утра, погибшіе вечера, неповторимыя ощущенія городскихъ поворотовъ.

21. 12. 1928.

Насъ интересуесть, поскольку всецѣло художникъ въ поискахъ цѣннаго и истинно поэтического въ себѣ, склоняться долженъ въ сторону безусловно индивидуальнаго и личнаго. Вѣдь существовали искусства, и большія эпохи искусствъ, въ которыя художники явно не искали индивидуальнаго. Не искали неповторимо выйти изъ ряда, а, наоборотъ, какъ бы слиться и

раствориться въ нѣкоемъ надличномъ стилѣ, напр., въ готикѣ вообще, или же въ искусствѣ своего учителя, какъ, примѣръ, греческіе продолжатели Гомера или русскіе былинописцы. Такое явленіе кажется намъ вполне желательнымъ въ эпохи, когда существуетъ у даннаго народа или группы народовъ какое-нибудь общее большое искусство, ради продолженія и развитія котораго законно жертвовать тенденціей къ оригинальности, какъ строить прекрасное общее зданіе предпочтительно тому, чтобы отдавать свои силы на приукрашеніе собственнаго жилища. Такія эпохи и есть классическія эпохи, какъ бы объективнаго стиля или задачъ и художественное цѣлеисканіе его въ цѣломъ законно отмѣняетъ поиски своихъ неповторимыхъ личныхъ эстетикъ. Но такого рода искусство не свойственно индивидуалистической цивилизации. Послѣдними опытами въ этомъ направленіи была, пожалуй, русская социальная литература девятнадцатаго вѣка, которая отчасти продолжаетъ развиваться въ Россіи. Но для душъ болѣе эстетически настроенныхъ, взыскующихъ скорѣе о постиганіи и претвореніи міра въ красотѣ, а не въ правдѣ, это искусство, центръ котораго, въ сущности, находится внѣ искусства, въ нѣкоемъ исканіи правды среди людей, законно чуждо. Дѣло въ томъ, что вся русская культура, кромѣ символизма, почти исключительно моральное явленіе. Всѣ русскіе писатели, кромѣ, можетъ быть, Пушкина, моралисты, доброискатели. Русская революція и послѣреволюціонная совѣтская литература законное продолженіе этого дѣйствительнаго морализированія, и попытка современнаго марксизма основать социальную драму на механической борьбѣ инте-

ресовъ есть, по крайней мѣрѣ для Россіи, отрицаніе листьями своего ствола.

Но высокаго, одного чисто художественнаго стиля (подобіемъ котораго одно время казался кубизмъ для французской живописи), въ настоящее время ни въ русскомъ, ни въ иностранномъ искусствѣ нѣтъ. Нѣтъ недостроеннаго храма, поэтому законно художественное перестроеніе жилища или же домашней часовни. Поэтому тенденція къ повышенію цѣннаго въ искусствѣ находится, какъ намъ кажется, въ настоящее время въ сторонѣ исканія наиболѣе индивидуальнаго, наиболѣе личнаго и неповторимо субъективнаго міро- и духоощущенія. Но каковы же его опасности? Они велики. Стремясь къ дневниковому, къ домашнему, къ не «литературному» въ дурномъ смыслѣ этого слова, можно такъ углубиться въ свое, одному себѣ понятное, что предѣлъ этой тенденціи ведетъ постепенно черезъ суживаніе круга читателей до полной криптографичности, до никомунепонятности, до никому-не-цѣнностности. Причемъ все же, принимая во вниманіе, что по мѣрѣ спеціализаціи художественнаго матеріала кругъ читателей такого художника все болѣе сводится къ кругу чудаковъ, единомышленниковъ, себя находящихъ въ немъ, чтобы наконецъ въ предѣлѣ ограничиться только личными друзьями, влюбленными въ одинокаго, и наконецъ даже для нихъ перестать быть цѣннымъ. Ибо совершенно правильно, что мы въ художникѣ отчасти ищемъ и не себя, а, наоборотъ, ищемъ потерять себя, временно другую, новую, отраженную жизнь прожить. Но и это не вполнѣ, ибо каждая душа обладаетъ извѣстною пластичностью, которая позволяетъ ей на время хотя бы вполнѣ стать по-

добной другой, какъ бываетъ съ влюбленными, напр., вплоть до любовнаго перениманія внѣшнихъ манеръ, даже голоса и улыбки, но намъ кажется, что это только до нѣкоей степени, и тогда, когда то, во что спѣшить превратится любящій, тоже возросло на томъ же мистическомъ корнѣ, какъ и превращающійся. Такъ чахоточный Маркъ Аврелій слѣдовалъ Кратесу, беззаботному афинскому нищему атлету. Такъ горожанинъ Гумилевъ искалъ исчезнуть въ идеалъ стоическаго, арабскаго и негритянскаго разбойника.

Но души Аврелія, Антонина и Кратеса возросли на одномъ и томъ же духовномъ стволѣ внутренняго, мужественнаго противленія, духовно - мужского начала формирующаго активно-душевной міръ. Гумилевъ же, несмотря на свое городское сложеніе, всегда душою блуждалъ въ ледяныхъ ночахъ африканскихъ пустынь.

Такъ распредѣляются души въ мистической атмосферѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ болѣе родовое явленіе и гораздо большее количество видовыхъ воплощеній для нихъ возможно, вплоть до душъ величайшихъ мистиковъ, кои легко чувствуютъ себя, какъ дома, даже въ образѣ чувствованія животнаго или дерева на горѣ, настолько они стоятъ выше и внѣ того образчика ихъ возможностей, коими является ихъ эмпирическая судьба. Иныя души представляютъ собою зрѣлице гораздо меньшей свободы выбора, ихъ постиганіе какъ бы сработано и этически отлично по ихъ эмпирическимъ интересамъ, и они гораздо болѣе дѣти необходимости внутренней, психической, которая заключается въ большей опредѣленности и стихійности ихъ душевнаго теченія. Предѣлъ этой тенденціи мы находимъ въ инстинктѣ насѣкомыхъ, вся внутренняя жизнь которыхъ

до мельчайшихъ ея подробностей затвердѣла въ опредѣленной формѣ.

Но въ среднемъ поясѣ, гдѣ живемъ мы, царствуетъ не профессиональное мышленіе и не абсолютное сочувствіе всему. Какъ бы раздѣляются души по кардинальнымъ духовнымъ силамъ. Таковы, напр., духъ социальности, духъ индивидуализма, духъ пассаизма и любованія небытіемъ, духъ героической и т. д. Это и есть стволы, т. е., вѣрнѣе, намеки на существованіе стволовъ, на коихъ группами, серіями, тайными братствами сквозь вѣка рождаются души. Поэтому художникъ, все глубже погружающійся въ свое индивидуальное, переходитъ отъ любованія единымъ аспектомъ своего духовнаго строя къ варіаціи на общую мистическую музыкальную тему творенія, къ любованію своей эмпирической жизни, своихъ личныхъ матеріальныхъ приключеній, своихъ причудъ, привычекъ, ногтей, привкусовъ. Конечно, невозможно провести рѣзкую границу между тѣмъ, что въ душѣ есть аспектъ жизни вообще, метаморфоза и маска Діониса, и тѣмъ, что отъ случайно эмпирическаго. Конечно, и въ малѣйшихъ манерахъ, въ способѣ надѣвать шляпу, въ формѣ рукъ, въ тембрѣ голоса отражается общая духовная музыка, создавшая человѣка; интелегибельный его характеръ. И куда бы ни стремился человѣкъ прочь изъ Божества, изъ общаго, онъ только детализируетъ общую мистическую тональность, его создавшую, въ свою очередь детализацію общей тональности, создавшей все. Абсолютно индивидуальнаго нѣтъ ничего. Абсолютно не симптоматичнаго, не отражающаго цѣлое духовной жизни, нѣтъ ни одного поступка, ни одной причуды. И даже въ нарочитомъ чудачествѣ еще болѣе отражается

духовная музыка, какъ въ нарочито измѣненномъ очеркѣ еще болѣе явствуетъ то, къ чему довлѣетъ человекъ, въ томъ, что онъ считаетъ красивымъ. Но все же, если въ духовномъ мірѣ нѣтъ совершенно вѣроятныхъ вещей, понятій, все же въ немъ явствуютъ нѣкія тенденціи, никогда, впрочемъ, до конца не реализованныя. Такова тенденція къ свирѣпому индивидуализму, къ личному, къ самодовлѣющей оригинальности во что бы то ни стало, за неимѣніемъ цѣннаго въ душѣ матеріала не общечеловѣческаго, не общегорестнаго или общерадостнаго съ людьми. Такая душа имѣетъ тенденцію создать его, вызвать его къ бытію. Такъ, одинокій произвольно становится одиночкой, и лирической отшельникъ каверзнымъ чудачкомъ. Скрываться, покрываться и прятаться въ оригинальности хочетъ такая душа, но даже такъ не перестаетъ быть интересной, но уже какъ типъ эстетика-индивидуалиста, уже скорѣе становится интереснымъ, какъ могъ до этого дойти человекъ, а не до чего онъ дошелъ. Но совсѣмъ не въ эту сторону довлѣетъ правильно понятый художественный анархизмъ. Не къ активному, агрессивному индивидуализму индивидуализирующему, а къ пассивному наблюдательному субъективизму. Задача просто въ томъ, чтобы какъ можно честнѣе, пассивнѣе и объективнѣе передать тотъ причудливо-особенный изломъ, въ которомъ въ данной жизни присутствуетъ вѣчный свѣтъ жизни, любви, погибанія, религіозности. Слѣдуетъ какъ бы быть лишь наблюдателемъ неожиданныхъ аспектовъ и трогательно-комическихъ варіацій, въ которыхъ въ индивидуальной жизни присутствуютъ общія вѣчныя вещи. Для насъ поэзія есть разсказъ о томъ, какъ Богъ (жизнь,

сущность времени) пронизываетъ человѣка; религіозный опытъ со стороны индивидуальнаго въ немъ. Тогда когда сходная область метафизики и мистики есть разсказъ о проникновеніи Богомъ вселенной, людей вообще, жизни вообще, со стороны ихъ общности. Поэтому также индивидуалистическому искусству вообще свойственны прочія, рождающіяся отъ живого удивленія передъ неожиданностью, сущности, напр., вѣры или любви, и неожиданныя совершенно колѣнца и выходки преломляющей среды отдѣльной эмпирической жизни. Слѣдуетъ не активно создавать индивидуализмъ и потомъ его описывать, а пассивно и объективно описывать уже имѣющуюся налицо собственную субъективность и горестно-комическую застенчивость и выдѣленность. Великіе образцы этого — Розановъ и Рембо абсолютно общечеловѣческіе въ смыслѣ своихъ интересовъ, абсолютно правильно передавшихъ странность и неожиданность преломленія вѣчныхъ вопросовъ въ ихъ душевныхъ мірахъ.

Вопросъ, въ сущности, стоитъ такъ: гдѣ поэту въ своей душѣ искать истинно-поэтическаго, цѣннаго? Обычно дается ложный отвѣтъ: въ прекрасномъ; стыдясь и чуждаясь своей юродивости и тривиальности. Поэты съ губительнымъ энтузіазмомъ погружаются въ «прекрасное», глубокомысленное, великое, роковое, какъ во время романтизма въ гуманное, трогательно-близкое къ природѣ, человѣческое. И что же получается?

Стихи, которые въ первой, чисто-примитивной стадіи были нужны хотя бы одному человѣку, имъ самимъ, какъ дневникъ, напр., становятся чуждыми и ненужными даже имъ самимъ; себя въ нихъ они не

узнають больше, а передъ читателемъ имѣется нѣкій странный, стандартизированный, безличный продуктъ, видъ средняго, довольно глубокомысленнаго, довольно совершеннаго, довольно неуязвимаго, благороднаго стихотворенія, которое, чѣмъ болѣе оно совершенно, тѣмъ болѣе похоже на что-то хорошее, неизвѣстно гдѣ прочитанное, и, между прочимъ, нигдѣ, ибо это общій, синтетическій, отстоянный настой изъ шести или семи модныхъ хорошихъ поэтовъ; т. е. абсолютно уже нѣчто никому не нужное, неинтересное, ни пишущему, ни читающему.

Дѣло въ томъ, что здѣсь имѣеть мѣсто смѣсь губительнаго стыда и скромности. «Развѣ мое домашнее интересно, — думаетъ такой поэтъ, — когда такъ много великаго?»

По-нашему же поэзія должна быть личнымъ, домашнимъ дѣломъ; только тотъ, кто у себя дома въ старомъ, рваномъ пиджакѣ принимаетъ вѣчность и съ ней имѣеть какія-то мелкія и жалостно-короткія дѣла, хорошо о ней писать. И безконечно правы тѣ поэты, которые, какъ Гингеръ, откровенно сознаются, что какія-то мистическія, радостныя мгновенья переживали передъ лицомъ разныхъ милыхъ, земныхъ вещей: собакъ, лошадей, трубокъ, игральныхъ картъ, бритья, билліарда, спанья. Или подобные Кнуту, которые сознаются, что Богъ съ ними говорилъ, когда «нога съ ногой боролась». Одни поэты должны были бы писать только объ онанизмѣ, другіе только и билліардѣ или вялой праздности и т. п. Всѣ эти стихи перестали бы быть красивыми для того, чтобы сдѣлаться искренне-трогательными, ибо человѣкъ, когда онъ до насъ доходитъ въ своихъ отношеніяхъ съ абсолютнымъ и въ

глубокомъ горѣ отъ долгаго отсутствія этихъ отношеній, всегда искренне трогателенъ. А все трогательное нужно, все оно разбиваетъ ледъ нашего внутренняго сна. Только трогательное мы любимъ, а только то, что мы любимъ, мы постигаемъ. А поэзія есть способъ сдѣлаться насильно милымъ и сдѣлать насильно милымъ Бога.

21. 12. 28.

Какъ грустно, только что написалъ, и уже сомнѣваюсь: хорошо ли, не словесно ли очень, не слишкомъ ли понятно, не слишкомъ ли мало, и сумерки уже ползутъ вмѣстѣ съ трескомъ мотоциклета, пискомъ часовъ, шопотомъ за стѣной. Что же, я дѣлаю, что могу, я дѣлаю что могу, я дѣлаю что могу и закрываю лицо руками отъ стыда, вѣдь говорить нужно «цинично и съ непорочностью».

15. 3. 1929.

1.

Строеніе личности есть защита отъ музыки, отъ всеобщей волны, отъ Бога въ дѣйствиі, также и отъ чувственности. Моцартъ, можетъ быть, играетъ на самыхъ низменныхъ инстинктахъ — на сладостномъ. Защита отъ музыки.

2.

Интересный вопросъ: можетъ ли быть «Сальеровское» — великія цивилизаціи, великія религіи, т. е. не природныя, не подхваченныя и не несомыя природной волной, а наступающія шагъ за шагомъ, съ трудомъ, кропотливо и стойко побѣждая «духъ тяжести»?

3.

Стойческое — милое — нѣтъ родины, нѣтъ своего языка, своихъ привычекъ, своей природы, своего характера, своего города — все въ становленіи, все отъ притяженія цѣнности: «Мы были разными и потомъ ничѣмъ, когда возмущились властью природы». — «Затѣмъ мы стали тѣмъ, что полюбили». — Превращеніе въ любимое. Любовь, какъ сила превращенія въ любимое, какъ пластическій медіумъ становленія.

4.

Время проходить, все умираетъ, а N попрежнему ходить въ котиковой шубѣ; эта шуба вызовъ судьбѣ. N. несомнѣнно будетъ въ аду. Но что-то въ немъ есть стойческое.

5.

Темы:

Смерть Европы — подъ шумъ пропеллеровъ своихъ полярныхъ экспедицій, подъ пѣніе тысячи граммофоновъ, подъ прекрасныя и идіотскія улыбки своихъ королевъ красоты.

6.

Отличіе отъ стараго декадентства: то, что мы радостные, золотые. Умираемъ, радуясь, благословляя, улыбаясь. Въ гибели видя высшую удачу, высшее спасеніе.

7.

Основная логическая печаль и причина многихъ причинъ. Сколько ни говори о трагическомъ оптимизмѣ, всѣ тебя будутъ понимать, какъ бонвивана, какъ

оптимизмъ простой, отвратительный, глубоко ненавистный; поэтому новый лозунгъ — погибаніе.

8.

Именно если эмиграція погибнетъ, то только умирая, исчезая, расточаясь, она сможетъ допѣться, голосъ ея можетъ зазвучать въ вѣкахъ золотыхъ. Ибо только все умирающее поетъ въ духѣ.

9.

Не жить и сохраняться, а сгорать и исчезать, прекрасно пламенѣя, озаряя своимъ исчезновеніемъ золотое небо. (Такъ мы идемъ черезъ мостъ).

16. 3. 1929.

1.

Защита отъ музыки. Музыка безжалостно проходить. Бракъ, какъ защита отъ музыки. Исканіе захватить музыку, сковать ее, не убивая. Архитектура, живопись есть музыка остановленная, но все же не убитая, какъ бы *moteur immobile*, рождающій непрестанно музыкальное движеніе.

2.

Начало угла — Стравинскій, не начало ли затвердѣнія, остыванія музыки въ бергсоновскомъ смыслѣ?

3.

Всему благополучному, довольному, музыка просто враждебна, ибо она становленіе и измѣненіе, а не сохраненіе чего-то. Но спасеніе черезъ музыку, слѣдственно, черезъ женщинъ.

4.

Спасеніе черезъ женщинъ, потому что черезъ музыку мы слишкомъ сильны и демоничны, слѣдственно, не музыкальны.

5.

Я слишкомъ силенъ противъ природы, я могу дѣлать съ ней что угодно. Все, что угодно, превращать или прекращать, а главное, ссориться, бросать прожитую жизнь, отрекаться отъ вѣры. Но что стоитъ сохранять и усиливать? — вотъ въ чемъ вѣчное безпокойство огня. И только музыка (женщина) можетъ отвѣтить: нѣтъ, не бросай этого, пощади это, или: нѣтъ, брось это, отойди.

6.

Т. все жалѣла и такъ, что самого себя становилось жалко, и все трагическое казалось зломъ, и я рвался изъ этой жалости. Да, только такъ, какъ я тогда думалъ. Такая женщина, которая могла бы сказать: пойди и умри (т. е. иди черезъ мостъ).

7.

Можетъ быть, жалость отъ духа живописи, а трагедія (жертва формой) отъ духа музыки. Музыка идетъ черезъ мостъ, живопись же хочетъ остановиться, построить бѣлый домикъ, любить, любовать золотой часъ.

8.

Но женщины не музыкальны въ этомъ смыслѣ (становящемся), но въ другомъ онѣ гармоничны, у нихъ великое чувство цѣлой жизни и мудрость избѣ-

гать лишнихъ поступковъ (не въ руслѣ). Такъ же, какъ бы видять всегда весь поѣздъ, проходящій въ туманѣ откуда-то съ другой стороны рѣки. А мужчины видять только паровозъ, рвущійся въ ночь и ночь. Т. е. мужчины — воины.

9.

Искусство рождается изъ разговора музыки съ живописью. (Проявленнаго духа со сферой отраженія и замиранія).

10.

Въ нашемъ мѣрѣ нѣтъ ни чистой матеріи, ни чистаго духа. Но при первомъ остываніи или, вѣрнѣе, при началѣ мечтанія, духъ рождаетъ мѣръ вѣчныхъ формъ, т. е. себѣ подобное.

Но что проснувшись сознаетъ себя какъ единое въ противопоставленіе реальному небытію (своей объективности) видитъ раньше всего основные принципы своего востанія въ него, своей связи съ «тенденціей» къ объекту, и это есть первый мѣръ формъ.

11.

Эти первыя формы неподвижны, онѣ качественно не мѣняются до вечера, до засыпанія, мечтанія. Второй мѣръ есть мѣръ музыки: т. е. мѣръ этихъ формъ въ дѣйствиіи, т. е. вдыханія и выдыханія этими формами тьмы. (Такъ музыка восходитъ къ чему-то золотому, покоящемуся въ своей основѣ).

12.

Этотъ второй мѣръ есть мѣръ вѣчности въ работѣ,

вѣчности въ движеніи. Спасеніе черезъ музыку есть согласіе помѣняться, сладостное чувство прекраснаго, добровольнаго умиранія (т. е. передѣлыванія) формъ, но тамъ, гдѣ формы сопротивляются музыкѣ, начинается третій міръ (т. е., однажды родившись, не хотятъ уже умирать, а сохраняться).

13.

Но вырвавшись изъ симфоніи, изъ хора, изъ танца, взбунтовавшаяся вещь пытается сама безконечно жить, тогда музыка общая становится для нея рокомъ, бурей, грозой (Эсхиль, Тютчевъ, Бодлеръ). Будучи уже антисимфоничной, т. е. идя въ разрѣзъ общей музыкальной темѣ, она есть уже врагъ міровой музыки, и здѣсь начинается безнадежная борьба. Шарманка все слабѣетъ, а симфонія ночи рвется въ окна.

14.

Этотъ третій міръ есть міръ иллюзій и агоніи, міръ призраковъ, цѣпляющихся за жизнь, міръ страха передъ роковыми силами, міръ безнадежности и печали. Но спасеніе въ возвращеніи въ музыку, въ признаніи ея, въ согласіи умереть и измѣниться, въ сладостномъ согласіи исчезать и свято погибать (воскресая).

22. 3. 1929.

Я могу еще прибавить нѣсколько словъ о согласіи или враждѣ челоуѣка съ духомъ музыки, дѣлающимъ его поэтомъ. Кажется мнѣ, что музыка въ мірѣ есть начало чистаго движенія, чистаго становленія и пре-

вращенія, которое для единичнаго, законченнаго и временнаго раньше всего предстоитъ, какъ смерть. Принятіе музыки есть принятіе смерти, оно, какъ мнѣ кажется, посвящаетъ человѣка въ поэты. Почему? Потому что всякая форма передъ лицомъ музыкальнаго становленія можетъ или не соглашаться изменяться и исчезать, какъ всякій одиночный тактъ въ симфоніи; т. е. движимое чувствомъ самосохраненія, — или ненавидѣть музыку, въ которой смыслъ смерти, или же героически, несмотря на ужасъ тварности, согласиться съ музыкой, т. е. принять цѣлесообразность своего и всеобщаго становленія, движенія и исчезновенія. Тогда только душа освобождается отъ страха и обрѣтаетъ иную безнадежную сладость, которой полны настоящіе поэты.

Я читалъ въ одномъ рыцарскомъ романѣ, что во время одного возстанія въ Кастиліи арабы сражались въ вѣнкахъ изъ розъ, какъ обреченные на мученическую смерть; и дѣйствительно, кому на землѣ присталь вѣнокъ изъ розъ, какъ не только согласившемуся исчезнуть. Основная тональность этого согласія есть нѣкая сладостно-безнадежная храбрость, только такимъ душамъ и поетъ весна всѣми своими соловьями, ибо она символъ движенія, измененія и становленія и глубоко мучаетъ и страшитъ всѣхъ несогласившихся еще съ духомъ музыки, не оправдавшихъ еще боговъ за свою близкую смерть.

Мнѣ кажется, что только поэта, отпустившаго имъ (богамъ) ихъ грѣхи, они отпускаютъ изъ міра молчанія и боли въ священный соловьиный садъ поэзіи. Мнѣ кажется, что стихотвореніе, подобно слезамъ, рождается изъ жалости къ себѣ самому; но не безслѣдно ис-

чезающую мысль хочется записать, потому что мысль не исчезает, а остается въ памяти, но она всегда гораздо объективнѣе и внѣшне подобна предмету, которому можно себя противополжить, но нѣкое ощущение тѣхъ дней, тѣхъ давно исчезнувшихъ утръ, тѣхъ лѣтъ хотеть воскресить душа, ибо мысль можно вообще вспомнить, ибо всегда остается отъ нея хвостикъ, за который ее можно вытащить изъ памяти, о чемъ она была. Нѣтъ, нѣкое ощущение тѣхъ дней, вотъ что совершенно неповторимо, и нѣкое совершенно особенное чувство какихъ-то давно прошедшихъ праздниковъ, когда какъ-то особенно развѣвались флаги и особенно сиреневѣлъ теплый асфальтъ. Теперь также на большихъ шестахъ медленно развѣваясь мечтаютъ флаги и лоснится асфальтъ, но ощущение этого всего совсѣмъ другое.

Когда душа это замѣчаетъ, она понимаетъ, что умираетъ постоянно, что постоянно теряетъ себя, оставляетъ себя навсегда на какихъ-то углахъ, надъ которыми надъ ядовитой зеленью аллеи плыли весенніе облака, и какъ будто въ адъ скользили, посвистывая, автомобили. Спасти себя хотеть она тогда, и стихи, какъ слезы, рождаются отъ жалости къ себѣ, постоянно исчезающему и умирающему.

Души чувствуютъ иногда, что вотъ что-то съ ними происходитъ, что онѣ переживаютъ на углахъ что-то бесконечно-цѣнное, но что именно — сказать не могутъ; причемъ иногда съ силой физическаго припадка происходятъ нѣкія состоянія особаго содержательнаго волненія, бесконечно-сладостнаго. И иногда вдругъ слагается первая строчка, т. е. съ какимъ-то особеннымъ распѣвомъ сами собой располагаются сло-

ва, причѣмъ они становятся какъ бы магическимъ сигналомъ къ воспоминаніямъ; какъ иногда въ музыкальной фразѣ запечатлѣвается цѣлая какая-нибудь мертвая весна, или для меня, въ запахѣ мандаринной кожуры, цѣлое Рождество въ снѣгахъ, въ Россіи; или же все мое довоенное дѣтство въ вальсѣ изъ «Веселой вдовы».

Такъ создается мелодія; если поэтъ умѣетъ ее изолировать и развить, разрастается въ стихотвореніе, т. е. спасти отъ исчезновенія хочетъ поэтъ нѣкое ощущеніе, причѣмъ понявъ онъ это, можетъ быть, только черезъ музыку, т. е. используя магическую эвокаціонную силу музыки, подобную заклинанію, ибо рассказать ею невозможно; ибо область лирической поэзіи есть область особаго рода безпричинныхъ переживаній, которыя Рэскинъ назвалъ тихими чувствами, въ отличіе отъ громкихъ чувствъ страстной любви, ревности, гнѣва, зависти. Да и эти болѣе ясныя чувства рассказать трудно; что можно сказать о ревности — что она была болѣе или менѣе сильна, т. е. пытаться описать только ея количество, написать, напр., что она огромна, но каждая ревность каждаго человѣка имѣетъ еще свое особое качество. И въ каждую минуту своего теченія еще особый дополнительный оттѣнокъ. Языкъ же такъ бѣденъ словами, что, какъ уже жаловался Шопенгауэръ, невозможно рассказать разницу между кислымъ и горькимъ. Все же можно намекнуть на эти громкія ощущенія, пытаюсь заставить дѣйствовать переживающихъ ихъ героевъ; такъ, въ сущности, уже околѣнымъ путемъ, что-то передается, но въ передачѣ вышеупомянутыхъ острѣйшихъ, но тихихъ чувствъ, безпричинныхъ и бесконечно-цѣнныхъ волненій, терпитъ абсолютную неудачу, ибо, съ одной стороны, они не

имѣють именъ, съ другой стороны, они не разрѣшаются ни въ какомъ дѣйстви, кромѣ развѣ въ хватаніи за голову романтиковъ.

Тогда наконецъ богами было послано два духа — духъ музыки и образъ о музыкѣ. Но о духѣ музыки пытаться говорить сейчасъ не буду, ибо это еще слишкомъ безформенная область, гдѣ моему духу рѣшительно не за что ухватиться, но я хотѣлъ сказать о горздо, въ сущности, менѣе важномъ, но болѣе постигаемомъ: о рожденіи поэтического образа: объ образѣ музыки.

Воспоминаніе о тихомъ состояніи подобно воспоминанію о музыкальномъ произведеніи или, вѣрнѣе, о чистомъ мистическомъ опытѣ — оно началось, — оно нарастало — потрясло душу — оно затихло. Оно было кратковременно, какъ почти все дѣйствительно высокое въ душѣ, поэтому запись о немъ и имѣетъ короткую форму лирическаго стихотворенія, отрывочнаго сна, тогда какъ излюбленной формой передачи отраженій дѣйственныхъ устремленій есть поэма, символизирующая цѣлую связанную жизнь.

Для различенія громкихъ и тихихъ чувствъ чисто эмоціональнаго и мистически-эмоціональнаго, только по-моему слѣдуетъ именно обратить вниманіе на это различіе, громкія чувства раньше всего дѣйственныя, устремленныя въ жизнь, они — прямыя противоположности нѣкоторыхъ излюбленныхъ ихъ поступковъ — убійства, обладанія, власти; тогда какъ тихія чувства не прямо подстрекають душу къ бездѣйствию, они только раскачивають душу прекрасно и странно, какъ волшебное дерево, ибо они только похожи на любовь, или, вѣрнѣе, на безпричинную радость или без-

причинную печаль, такъ же, какъ ангелы только похожи на людей. Громкія чувства есть для меня противоположности дѣйственныхъ устремленій, удачу или неудачу которыхъ они и знаменуютъ. Тихія же неизвѣстно къ чему зовутъ, но любовная лирика, напр., прямо перерастаетъ изъ одного этого міра въ другой, т. е. отъ обыкновенной страстной любви, которая, по моему, глубоко внѣ литературы и особенно внѣ поэзіи, она восходитъ къ любви мистической, гдѣ неизвѣстно чего отъ возлюбленной хотятъ, въ сущности чаще всего гораздо больше, чѣмъ она можетъ дать, уводящій въ сонъ къ нѣкоему открытію, кажется мнѣ такая любовь всегда трагическая, неизвѣстно чего хотящая, которой почти не знали ни древность, ни Ренессансъ, которая есть, очевидно, доказательство роста и развитія духовной жизни расы или же ея отхода отъ біологической правды и гибели.

Какъ же пишется стихотвореніе? — не могучи разсказать ощущеніе, поэтъ пытается сравнить его съ чѣмъ-нибудь, какъ дикарь, который, чтобы сказать «горячо», говоритъ «какъ огонь», или, чтобы сказать «синій», говоритъ «какъ небо» т. е. выискивается вещь внѣшняго міра, которая становится какъ бы прилагательнымъ оттѣнка, начинается описаніе съ какого-нибудь общаго туманнаго слова-сигнала, напр., любовь или тоска, или лѣто, небо, вечеръ, дождь, жизнь. Выискивается вещь внѣшняго міра, присоединеніе коей къ слову жизнь, т. е. присоединеніе ощущенія съ этой добавочной вещью, связанной со словомъ «жизнь», создаетъ конструкцію, образъ, лучше уже создающій эмоціональную травму, подобную эмоціональной травмѣ въ душѣ автора, обволакивающей это слово. Такъ

индусы отыскали образъ дерева, кажущийся довольно далекимъ отъ слова «жизнь». «Дерево моей жизни груститъ на горѣ», говоритъ индусскій поэтъ, но и это кажется ему недостаточнымъ, слѣдуетъ конструкцію еще усложнить; тогда извлекается еще добавочное ощущение, связанное съ образомъ синяго цвѣта.

«Синее дерево моей жизни груститъ на горѣ»; если нужно, также поетъ или танцуетъ на горѣ; эта странная конструкція — соединеніе многихъ ощущений — создаетъ нѣкое сложное, приблизительно всегда возсоздающее ощущение автора.

Надъ обрывомъ

Осень рыжая кобыла чешетъ гриву.

Или же прямо безъ объясненія что-то передавая:

Ярко желтый закатъ за окномъ

Къ эшафоту на казнь осужденныхъ

Поведутъ на закатѣ такомъ.

Почему именно на такомъ? Объясненія нѣтъ, но ощущение передано; такъ слово къ слову подлетаетъ въ умъ поэта, создавая странныя конструкціи, напр., картину Незнакомки со шлагбаумами, остряками въ котелкахъ, рѣкой и дѣвушкой въ перьяхъ, рестораномъ, сокровищемъ; все вмѣстѣ это одна большая конструкція, одинъ сложный образъ, присоединеніе отдѣльных частей котораго изъ безконечнаго моря возможностей диктовано нѣкоей удачей, нѣкоей странной способностью отбора и извлечения, которая и есть для меня вмѣстѣ съ музыкальностью талантъ поэта — образъ музыки, причемъ въ эту конструкцію входятъ не только статическія прилагательныя, но и цѣлый рядъ сказуе-

мыхъ, глаголовъ, которые заставляютъ это странное синее дерево, напр., танцовать, незнакомку проходить, звать съ другого берега рѣки, раскачивать страусовый вѣеръ, все это неизвѣстно почему, но необходимо для созданія цѣлостнаго ощущенія, причемъ въ результатѣ созданный образъ столь же загадоченъ для поэта, какъ и для читателя, поэтъ самъ свой первый читатель, чаще всего самый плохой. Только духъ музыки сообщаетъ этой конструкции движеніе, колыханіе, нарастаніе и скольженіе, безъ котораго стихотвореніе превращается въ грубую энигматическую живопись, какъ иногда у Есенина. Причемъ все время поэтъ сосредоточенъ на нѣкоемъ цѣнномъ ощущеніи, которое онъ какъ бы кота въ мѣшкѣ и подъ полой передаетъ читателю, который обратнымъ процессомъ восходитъ отъ танца образовъ къ музыкѣ, ее одушевляющей, къ цѣнному ощущенію поэта.

Ночь. Улица. Фонарь. Аптека.
Безсмысленный и тусклый свѣтъ.

Я помню, въ этой бухтѣ сонной
Спала зеленая вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли военные суда.
Четыре сѣрыхъ, и вопросы
Насъ волновали битый часъ,
И загорѣлые матросы
Ходили важно мимо насъ.

Съ соединеніемъ психическихъ фактуръ воссоединяется ощущеніе, ихъ собравшее, причемъ читатель,

воспринимая ихъ, также ничего не понимаетъ, но соперживаетъ съ авторомъ. Шедевръ такой конструкціи есть вполнѣ энигматическая картина Мѣднаго Всадника. Наводненіе, мѣдная лошадь, стукъ копытъ. И все это абсолютно неизвѣстно почему, что, собственно, хотѣлъ сказать всѣмъ этимъ Пушкинъ, ломали себѣ голову горе-критики 19-го вѣка, то ли Петровскій режимъ и социальная несправедливость скачетъ, — конечно, нѣтъ, «Мѣдный всадникъ» есть мистическій опытъ, ну, скажемъ, обще, опытъ совершеннаго рока, что-ли, но что, собственно, хотѣлъ Пушкинъ сказать о рокѣ, неизвѣстно и вмѣстѣ съ тѣмъ мы постигли что-то черезъ «Мѣднаго всадника», ужаснулись чему-то вмѣстѣ съ поэтомъ, и все же

Стало ясно, кто спѣшитъ,
И на пустомъ сѣдлѣ смѣется.

Это все формально; что же все-таки можно сказать о поэзіи по существу?

Поэзія, кажется намъ, есть пѣснь времени. Мнѣ кажется, что область этихъ тихихъ переживаній почти полностью совпадаетъ съ ощущеніями раньше ошибочно называвшимися религіозными. Для яменя это есть ощущеніе чистаго становленія моей жизни, чистой ея длительности; включенной или противопоставляющейся чистому становленію жизни вообще.

Но время есть двойное понятіе: извнѣ оно только система счета и сравненія двухъ движеній.

Такъ, можно вполнѣ правильно сказать, что извнѣ совершенно ложно выраженіе: «время стерло эту надпись», ибо извнѣ время не сила, оно ничего не дѣлаетъ, оно только система счета, число, мѣра. Изнутри

же время мною отождествляется съ силой, изнутри развивающей міръ. Здѣсь время есть сама жизнь *in essentia* на томъ ея полюсѣ, гдѣ она еще напоръ и возможность, и откуда оно осыпается въ случай и необходимость.

Писаніе о чистомъ времени своемъ и міра, а у пантеистическихъ натуръ объ одномъ только чистомъ времени человѣко-божескомъ, есть по-моему стихія современной лирики; недаромъ надъ греческимъ храмомъ Осипа Манделъштама такъ ясна Гераклитова надпись: «Все течетъ. Время шумитъ».

Съ этой точки зрѣнія я и пытаюсь рѣшить вопросъ о двухъ любимыхъ темахъ лирической поэзіи, стиховъ о любви и о смерти. Любовь и смерть кажутся мнѣ двумя основными моментами постиганія чистаго времени. Смерть, какъ тема всяческаго расточенія и исчезновенія времени, ибо душа умираетъ постоянно, и каждый день нестерпименъ въ розоватомъ дымѣ, какъ послѣдній день, но главное — умираніе часовъ и минутъ, отблесковъ и освѣщеній, запаховъ и ощущеній безвозвратно. Смерть, какъ тема прохожденія времени. Любовь же, какъ тема спасенія времени для нѣкоей качественной вѣчности, нѣкоего чувства сохраненія и безопасности своей жизни, наконецъ спасенной отъ исчезновенія въ рукахъ любимаго человѣка.

Но съ этой точки зрѣнія поэзія должна быть какъ бы по существу реалистической, она должна быть родомъ постиганія и передачи, родомъ познанія. Нѣтъ, кажется. Дѣло въ томъ, что въ чистомъ времени кажутся намъ какъ бы разлитые слои его, лишь самому внѣшнему изъ коихъ удается воплотиться въ ре-

альности. Внутри же времени, снится намъ, звучить нѣкій свободный, активно-пророческій слой, который еще не смогъ воплотиться, который еще только взыскуетъ къ воплощенію, т. е. этотъ напоръ, центръ коего направленъ къ будущему въ болѣе глубокихъ слояхъ своихъ, есть пѣснь будущаго, есть нѣкое вѣчное устремленіе далеко за предѣлы актуально-реализуемаго. Подслушать это внутреннее становленіе, еще находящееся въ возможности, еще не нашедшее или же почти не нашедшее еще себѣ воплощенія, есть назначеніе дѣйствительно благодатной поэзіи, какъ намъ это кажется. Тогда, какъ я уже говорилъ, поэзія была бы предвареніемъ грядущихъ дней или даже первымъ ихъ рожденіемъ въ міръ сновъ, изъ коего они впоследствии прорастутъ въ міръ реальности. Т. е., думаю я, все будущее уже вызрѣваетъ, уже напираетъ изнутри на настоящее и склоняетъ его уступить ему мѣсто. Грядущее не въ далека, а внутри настоящаго, и первымъ міромъ въ которое оно прорывается, есть всегда искусство. Но служить будущему, взыскующему къ воплощенію, т. е. подчиняясь внутреннему восходящему звучанію времени, создавать чувства, которыхъ никто еще не переживалъ, и пейзажи, которыхъ еще никто не видѣлъ, можетъ только поэтъ, внутренне-морально согласившійся съ духомъ музыки.

29. 1. 1932.

1.

Напиши искренно и только нѣсколько словъ, длинная книга всегда означаетъ незнаніе, преслѣдованье. «И хотя нѣтъ ничего хорошаго безъ повтореній», неискренность иллюзія доказательства. Скажи, во что ты

вѣришь просто, и пусть это полюбятъ или нѣтъ. И не пиши книгу, какъ всѣ они, съ конца, вѣдь выводъ, заключение приходитъ всегда первымъ, доказательства потомъ подгоняемыя. Начни съ вывода и заключенія.

2.

Вотъ Ты мнѣ уже и не понравился, и даже какая-то боль появилась посреди груди. Напиши въ простотѣ, не стыдись. Тѣ, кто не повѣрятъ, они и не могутъ повѣрить, они не знаютъ о мѣрѣ ничего, и даже самое точное описаніе ничего не дасть имъ, ибо его придется комбинировать изъ элементовъ, имъ уже извѣстныхъ. Имъ не извѣстно ничего хорошаго, какъ только энигматическимъ темнымъ образомъ; ихъ темное и есть, пожалуй, ихъ самое свѣтлое, не тронутое еще ихъ словесной суетой.

3.

Но вотъ Ты мнѣ опять не понравился, и боль повторилась, зачеркнуто все. Такъ ты всегда дѣлалъ, потомъ забывалъ. Однако, именно этимъ Ты жилъ. Тебѣ возражать, что Ты писалъ стихи, и, слѣдственно, жилъ интригами и маленькими красивыми чувствами. Увы, пока Ты ничего не писалъ, Ты былъ для нихъ недосыгаемъ, написавъ, Ты выпустилъ коготокъ. Теперь они сочли коготокъ Тобою и считаютъ, что Тебя «имѣли», расправились съ Тобою. Отряхни съ себя эту литературную вѣжливость. Ибо мысли о нихъ и объ ихъ недоброжелательствахъ, какъ вши, ползаютъ по Твоей душѣ.

Но вотъ Ты опять потерялъ мѣру, ожесточился, попытался самъ себя защитить, обойтись безъ Его защиты.

Защищающій себя самъ не нуждается въ защитѣ Иисуса. Любящій себя самъ не нуждается въ Любви; у него есть другъ, это онъ самъ, и другъ этотъ можетъ быть очень чистъ, вѣренъ, силенъ, серьезенъ; но Иисусъ не будетъ ему другомъ. Съ нимъ дружатъ боги промежуточныхъ міровъ, которые презираютъ растерянныхъ смертныхъ и любятъ ясныя, доблестныя натуры, чтобы въ нихъ отразиться, таковы Парки, Сибиллы, Пифіи, Горгоны, Эриніи и всѣ доблестныя, солнечныя существа отъ Аполлона Дельфійскаго до божественнаго Антонина (Маркъ Аврелій). И чему Иисусъ неученый, низкаго происхожденія, дрожащій отъ страха, водящійся съ порочными, ихъ научить? Они снисходительно Его послушаютъ и изучать Его идею. Всѣ они солнце- и разумо-поклонники. У Иисуса же смиренныя друзья, какъ и Онъ самъ, растерянные, пугающіеся, ужасающіеся, путающіеся, но... соблазнъ! — не стыдящіеся своихъ страданій, копающіеся въ нихъ. Боль, видимо, ими даже цѣнится. Ибо гдѣ боль, тамъ и утѣшеніе, гдѣ слабость, кротость, невѣжество, порокъ, страхъ, тамъ и Иисусъ, и какое дѣло Ему до богатыхъ, свѣтлыхъ, сильныхъ и мужественныхъ: «Богъ не можетъ дать намъ ничего, кромѣ богатства и здоровья, все же существенное воля даетъ себѣ сама, т. е. добродѣтель и покой».

Они непоколебимы соблазнами міра и, не вмѣшиваясь, побѣждаютъ его. Друзья Иисуса же, наоборотъ, всегда побиваемы, ставлены въ неловкое положеніе, прерываемы, лишаемы голоса, запугиваемы, и Самъ Иисусъ такой же былъ часто.

5.

О чемъ же Ты будешь искренно, смѣшно и безформенно писать? О своихъ поискахъ Иисуса. О дружбѣ съ Иисусомъ, о нищетѣ, которая нужна, чтобы Его принять. Ибо только нищій, не живущій ничѣмъ въ себѣ, получаетъ жизнь въ Немъ, или, вѣрнѣе, не копя жизнь въ себѣ, можетъ Его принять.

6.

Однако онъ и вовсе хочетъ уйти изъ себя, предоставивъ домъ Иисусу, вовсе хочетъ перестать быть личностью, какъ-нибудь называться. Останься, говорить ему Иисусъ, посидимъ вмѣстѣ, поговоримъ о людяхъ, и онъ остается изъ скромности, вовсе на краешкѣ, на порогѣ, какъ птица или муха на единой лапѣ. Еле живой въ себѣ, слабый, какъ тѣнь, но все же оставленный въ бытіи, благодаря любви Иисуса, ибо ужасаясь себя, вовсе готовъ былъ себя уничтожить.

7.

«Братъ мой осель», говоритъ св. Францискъ о своемъ тѣлѣ, братикъ мой осликъ, душа моя чуть не упавшая, подобная Эмпедоклу, въ объятія центрального огня. О Тебѣ незамѣтной, незамѣтно хочу я написать, и о томъ, какъ иногда Пречистая Дѣва пользовалась Тобою, сажала на Тебя Младенца Иисуса.

Бѣдная, нищая, душа моя, маленькая, слабая, никого почти не любящая, раздражительная, сонливая, смѣшливая, недостойная вниманія. Это Тебя полюбилъ Иисусъ и ради Тебя пролилъ кровь Свою, и поэтому Ты, такъ долго отстраняемая солнечными бо-

жествами, какъ бѣдная родственница, какъ! прислуга, Ты будешь поставлена тотчасъ же передъ Исусомъ, не смоги даже вымыть ни рукъ, ни ногъ, уже полуобъятая послѣдней сонливостью уничтоженія. Не я думаю, а мышленіе происходитъ во мнѣ, и къ чему здѣсь я, да и не во мнѣ вовсе, развѣ я равнодушна, высока, свѣтла, тождественна себѣ? Нѣтъ, мышленіе происходитъ въ себѣ, и я только прислуга при дворцѣ, гдѣ происходятъ амуры субъекта и объекта. И они, смѣясь, называютъ меня психологическимъ субъектомъ. Что до брата моего нищаго Геракла, какъ долго съ восторгомъ служилъ онъ имъ.

8.

Но главное, не стыдись рассказать о своихъ поискахъ Исуса, какъ будто это что-то позорное. Сладенькое толстовство хихикаетъ, гностическій гномъ ему — подавай Христа параднаго, при звонѣ колоколовъ и салютахъ пушекъ, соединеннаго съ государствомъ и благосклоннаго къ жрецамъ. Мы же слабаго, облитаго слезами ищемъ. «Я хочу знать и знаю Исуса бѣднаго и распятаго, и что мнѣ до книгъ».

19. 6. 1932.

1.

Не опирайся ни на кого, кромѣ Самого Бога. Зри всѣхъ въ Богѣ, на оконечности ихъ лепесткомъ, т. е. болѣе или менѣе спящими и развернутыми. Ты и Богъ представляютъ собой закрытую систему — эллипсисъ, гдѣ Богъ активный нынѣ, а Ты пассивный полюсь. Богу

возвращена его пассивная активность, какъ растение само раскрывается солнцу. Ты же активно пассивенъ, т. е. вся Твоя дѣятельность направлена на то, чтобы достигнуть абсолютной пассивности.

2.

Такъ вокругъ Бога во всѣ стороны протягиваются такіе эллипсисы, въ концѣ каждаго изъ коихъ живеть или спить человѣческая душа. Это какъ будто лепестки цвѣтка, болѣе или менѣе развернутые до конца.

3.

Такъ дни печали, предшествующіе иллюминаціи, и есть идеальное время подготовки ея, тогда пассивное электричество души скапливается воздержаніемъ и зоветъ активное электричество благодати.

27. 6. 1932 г.

Бытіе и грѣхъ тождественны, оставшись безъ грѣха, я остался и безъ бытія. Остается только молить о благодати. Но она медлитъ. Живу не живя, люблю не любя, вижу не видючи.

— Погоди, часъ Твой настанетъ и плоть воскреснетъ въ Тебѣ. Ты сейчасъ абсолютный объектъ Бога, живой трупъ, невѣста Его, тоскующая о женихѣ.

1. 8. 1932.

Soleil blanc.

1.

Слабость, еле говорю, и все-таки я не побить. Мнѣ

все равно, выйдетъ изъ этого что-нибудь или не выйдетъ, и что воинства и огни отъ меня отказываются. Такъ въ грѣхѣ, одиночество мое съ Христомъ еще глубже, ибо нѣтъ такого грѣха, кромѣ гордости, куда Христосъ не имѣлъ бы доступа. Мотивъ: я ищу примѣненія своей энергіи и чтобы въ воскресеніи изъ мертвыхъ полной безпрепятственной дѣятельности. Однако, зачѣмъ дѣятельность? или то, что во мнѣ достаточно хорошо, чтобы ему дать выявиться. Нѣтъ, во мнѣ: усиліе, печаль и усталость. Я жажду настоящей жизни. Жажду ли? не жажду ли я отдыха небытія? Я волю къ настоящей жизни. Однако, не безъ высокомерія, считая въ глубинѣ души, что мнѣ она не нужна, а человѣку и Богу. Я жажду Бога лишь когда я очень несчастенъ и поэтому такъ цѣню несчастія.

2.

Падаю отъ тоски, отъ того, что не могу смириться на скучную и безсодержательную работу, а только на «интересную». Корысть духовной жизни. Написать письмо или пойти по дѣлу для меня мучительно. Послѣ дѣла тоска и все валится. «Не ищи корысти въ работѣ», такъ часто говорю я себѣ, но за уничтоженіемъ пороковъ, какъ мало остается у насъ жизни.

3.

Не нуждаюсь больше въ дружбѣ. Прежде я думалъ, что все въ жалости. Ну, а что дѣлать двумъ пожалѣвшимъ другъ друга — употребиться — да, это уже кое-что, но тоскливо это. А кромѣ того, я и Пуся, напр., ничѣмъ помочь другъ другу не могли.

Нищета. Нужно сперва получить богатство, жизнь отъ Бога и потомъ уже ее давать; теперь я думаю о монастырѣ, отшельничествѣ, а силъ нѣтъ. Особенно въ солнечный день, какъ сегодня.

4.

Свистъ въ ушахъ — кончаю. Все умерло. Никто изъ нихъ не знаетъ, какъ тяжела святость. Это страшное безбытіе — пустыня отказавшейся отъ всего жизни. Я, у котораго столько силъ для зла, такъ слабъ, такъ малъ, такъ, какъ бабочка, еле живъ въ добрѣ. Какъ мало золота остается послѣ трансмутаци.

5.

Половина пятого и я еще ничего не дѣлалъ, ругался изъ-за кресла, былъ на *marché*. Вчера мука съ кошками за 100 фр. Слабость, насморкъ, слезы изъ глазъ, но все же медитировалъ на мокрыхъ улицахъ и дома. Отсутствіе благодати. Молитва впустую. Сонсъмъ забылъ о Робертѣ. Помню, молился: Дай мнѣ Боже его адскую тьму, его освободи. Печальное, печальное лѣто.

Августъ 1932.

Оттуда, куда я поднялся (или опустился), что я могу сказать противъ Бога? Да, противъ, ибо мука міра глубока.

1.

Нѣчто сдѣланное нами и забытое, продолжаетъ ли быть сдѣланнымъ нами, особенно, если къ забвенію

прибавилось раскаянье. Забвение сдѣлавшаго и забывшаго. Богъ не можетъ уничтожить вмѣненія. Онъ пассивно рождаетъ человѣку плоды его дѣла. Не природа ли здѣсь Богъ?

16. 9. 1932.

1.

Ничто, буквально ничто меня не радуетъ. Спрашивается, къ чему стараться учить мудрости, если плодъ ея такъ горекъ; сонъ и безсознательность единственное утѣшеніе. Смерть — небытіе. Тоже и въ Богѣ. Я понимаю Его, какъ невѣроятную жалость къ страдающимъ, но что толку, если сама жизнь есть мука. Я люблю Бога, какъ героя, какъ источникъ боли моей за всѣхъ униженныхъ, но зачѣмъ спасать ихъ и развивать, если въ концѣ концовъ они скажутъ, какъ я, ничего нѣтъ. Богъ кажется мнѣ неудачникомъ, мученикомъ своей любви, которая подобно похоти заставляетъ его, вынуждаетъ творить. И если я вскорѣ не получу образчика жизни, къ которой стоило бы стремиться, я уйду совсѣмъ изъ религіозной жизни.

2.

Нѣкоторое облегченіе на колѣняхъ на улицѣ. Въ чемъ дѣло Заковича? Молитва. Сонъ. Солнце. Сижу голый, началъ немного оживать изъ-за спорта. Наслаждаюсь равнодушіемъ къ литературѣ.

16. 9. 1932.

Каждому человѣку въ дѣтствѣ дается его физи-

ческое безсмертіе въ руки — это его сексуальность. Если бы онъ съэкономилъ ее всю, онъ никогда бы не умеръ, вознесся бы живымъ на небо, какъ Илья, т. е. отдѣлился бы отъ жизни въ такомъ состояніи иллюминаціи, что смерти бы и не замѣтилъ и для него ея бы и не было.

10. X. 1932.

1.

Страшно тихо вокругъ меня сейчасъ, ничто не мучаетъ меня своимъ недостижимымъ свѣтомъ: ни страны, ни скорость, ни труды въ туманѣ алкогольныхъ волнъ, ни чудныя желтыя руки, ни дальше облака астрального міра. Я тяжелъ какъ свинецъ, мягокъ внѣшне какъ онъ, и какъ онъ тяжелъ и равнодушенъ ко всякому притяженію. Мнѣ въ мѣру холодно, какъ сухою осенью; я здоровъ, крѣпокъ, какъ профессиональный атлетъ. Мнѣ стыдно въ этомъ признаться, но даже въ Иисусѣ я не вижу ничего привлекательнаго. Ибо боль Его, всегда растущая, есть ли это жизнь, достойная того, чтобы всѣхъ ввести въ нее? Ибо Онъ любитъ, но и Онъ не знаетъ, что такое счастье, и Онъ не знаетъ, чему научить тѣхъ, кто къ Нему обращаются... обливаясь слезами только утѣшить...

Но не сильнѣе ли всего самыя грубыя утѣшенія, но не счастливъ ли Иисусъ своею болью?

Мнѣ даже стыдно немного страдающаго Иисуса. Но вѣдь Онъ воскресъ, да, но что знаемъ мы о Его жизни по воскресеніи, мы дѣти грѣха и усталости, зрѣнія и силы — ничего. Нѣтъ, счастливые знаютъ. И такъ того, кто очнулся отъ всякой жажды, спасти можетъ только счастье, но стоящее счастье, не позорная ра-

дость. Счастье, счастье въ жертвѣ — но кому радостно, пріятно, легко жертвовать, кому хочется жертвовать, не воля только хотеть, но все существо рвется и таетъ отъ тепла жертвы — любимому человѣку.

2.

Въ совершенномъ покоѣ, до отказа «выкативъ» коричневую грудь, прохожу я одною ногою по водѣ (лѣвая подошва пьетъ воду), другою ногою въ огнѣ (правый резиновый башмакъ грѣетъ), нарочно усиливая, сгущая нищету своего лица (не бреюсь) и своего платья (люблю рвань), тогда, когда я побѣдилъ всякую жажду и усумнился въ счастье Иисуса.

3.

Тьма спускается въ кафе, но я борюсь съ ней, не хочу, не хочу больше грусти, сколько я пилъ этого сладкаго яду — довольно. Я хочу быть счастливымъ среди своего безстрашія. Богъ какъ будто отложилъ меня до времени.

30. 6. 1933.

1.

Никто, кромѣ святыхъ, не знаетъ, что такое святость, иначе всегда получается «снѣжная буря въ синема», которую переживаютъ, сидя въ удобномъ креслѣ,, отсюда юморъ всѣхъ книгъ о святыхъ, въ которыхъ имъ какъ-то все удивительно легко дается. Такъ почему же ихъ такъ мало, это какъ бы самая дешевая профессія.

2.

Господи, Господи, одинъ Ты знаешь, какъ скучно, какъ темно, какъ невыносимо утомительно ползуть дни святости и какъ рѣдко приходитъ отвѣтъ и все само лется, раскрывается, несется въ сердце — *Le cœur des saints est liquide*—но на сколько мгновений и въ какой камень оно смерзается день за днемъ. Ибо настоящая святость характерна своимъ абсолютнымъ отсутствіемъ всякихъ утѣшеній, ибо только тотъ, кто долго рвался изъ аэона древняго міра, знаетъ, какъ универсально-всевидяща, всенаполняюща первородная влага грѣха.

3.

Небо совокупляется съ землей дождемъ и громомъ, души совокупаются съ жизнью непрерывной жаждой тепла, яркости, движенія, проявленія. И во всѣ дни отъ сердца человѣка течетъ астральное сѣмя, тотъ, кто хочетъ пойти противъ всего этого, пойметъ скоро, что это буквально плаваніе въ кипящемъ потокѣ, и тотъ, кто научится сопротивляться теченію, измѣритъ силу его, и какъ скучно внѣ его, и не только членъ скучаетъ, но и музыка, и дыханіе, и весь ландшафтъ міра остро, до отвратительности скучаетъ въ костяхъ святого. «*Ainsi est la nuit active de l'âme*». Вѣроятно, *nuit passive*, это вродѣ зимы: въ зимній день все кажется далекимъ. «Все молчитъ, все кажется глухимъ», такъ отдыхаютъ истощенные, измученные, разлившіе, растратившіе свой астральный огонь. Такъ, можетъ быть, буду отдыхать, повалившись отъ усталости рядомъ со своимъ скрученнымъ наконецъ противникомъ.

Какъ римскіе солдаты, которые ложились рядомъ съ трупами своихъ враговъ.

4.

Сперва они часть Тебя и борются съ ними (чертями) такъ же неудобно, какъ борются съ собственной ногой, а потомъ вдругъ побитые, какъ бы сдѣлавшіеся вдругъ взрослыми, съ грустными и породисто низменными лицами, они возвращаются и садятся вокругъ: «Ну, что, чего же Ты добился? Смотри, какъ скучно, голо, пусто вокругъ Тебя».

Никто, кромѣ самихъ святыхъ, не знаетъ, какъ скучна порою святость, съ какимъ каменнымъ лицомъ смотреть на Тебя оскопленный міръ. И какъ долго ждать дождя, свѣжести, царства.

«Кущи Твои свѣжи» —

Пустыня, раскаленное солнце Геракла клонится къ западу, тѣни колоннъ удлиняются на сухой землѣ.

8. 7. 1933.

1.

Писать, наконецъ, писать безъ стилиа, по-розановски, а также наивно-педантично, искать скорѣе приблизительнаго, чѣмъ точнаго, животно-народнымъ, смѣшнымъ языкомъ, но писать, ибо пришло время писать и все оборвалось, остановилось въ жизни, смотреть на меня издали, въ лѣтнемъ изнеможеніи, униженіи недоумѣнья.

2.

Потокъ мірового быванія въ своемъ безостановочномъ бѣгѣ впередъ, какъ легендарныя рѣки въ пустынѣ, днемъ текутъ въ одну сторону, а ночью въ другую; попеременно то изъ глубины бездны-субъективности рвется, стремится, жаждетъ прилить на поверхность и тогда скелетъ зимней дѣйствительности просыпается, міръ покрывается цвѣтами, и всѣ формы радостно наливаются краской и тяжестью, то реализовавъ что-то и какъ-то застрявъ, иммобилизовавшись на мгновенье въ формахъ, вдругъ чувствуетъ какую-то метафизическую, всеобщую тягу ко сну, стремление вернуться, углубиться въ себя, успокоиться, обдумать случившееся. Здѣсь осенью свѣтъ становится прозрачнѣе и какъ-то дальше видно, и наконецъ въ октябрѣ, какъ стрѣла, высоко отдѣляющаяся отъ лука, жара согрѣвшаго лѣта уходитъ въ глубину творенія.

Эта два темпа, приливъ и отливъ жизни изъ глубины творенія и обратно въ глубину его: первый есть жажда конкретности, проявленія, второй темпъ есть жажда сосредоточенія, возвращенія на себя, воспоминанія, извлеченія квинтъ-эссенціи.

11. 7. 33.

1.

Такъ и есть. Святость безъ мученія, безъ предѣла силъ, слава Богу, кончается вовсе не святостью, а развратомъ, слѣдственно, слѣдуетъ развить пары гораздо выше картъ, велосипеда и молитвы въ полуснѣ. Такъ даже лучше, я даже доволенъ, что потерпѣлъ это ущемленіе. Ибо не изъ такого тѣста дѣлается (слово

не разобрано), это самая нужная, черновая безблагодатная жизнь вѣрующаго.

Практически я ровно никогда почти (гимнастика да молитва) не нажималъ по-настоящему, и особенно вчера, въ отчаянныя муки тѣла, повалился, сорвался кататься, поиграть въ карты.

2.

Порокъ развиваетъ свои пары, для того, чтобы воля не дремала, ибо столько разъ убѣгало уже это молоко, а жизнь оставалась голодна. Это онъ, первый хозяинъ жизненной силы и ее у него воля должна отнять, но для этого она должна терпѣть жестокия униженія и голодь, пока не научится быть постоянно въ напряженіи, какъ онъ постоянно свѣтится, струится, бурлитъ въ тѣлѣ. И какъ онъ интересенъ, а ея дорога какъ скучно выгладить, и тѣ, кто этому поддаются, стираются снова и поглощаются астральнымъ свѣтомъ, такъ Богъ испытываетъ свои горшки и предпочитаетъ разбить тысячу; чѣмъ пропустить одинъ негодный.

3.

Какъ поучительно иногда упасть. Начинаешь какъ-то больше уважать и цѣнить солнечный путь, если видишь что такъ вполголоса, въ полнагрузки на немъ не удержаться, а то получается «какая легкая и не интересная вещь святость».

Вотъ моя мѣра, думаю я, получивъ по носу. Несмотря на свою исключительность, это все-таки не мѣра святого, раньше всего потому, что мѣра святого есть полная мѣра и въ нее входитъ вся жизнь (до по-

слѣдной минуты), вся боль (до отчаянія), вся сила (до изнеможенія), чтобы за то получить полное счастье, полную радость, полный покой, а ты жить въ полуснѣ своихъ медитацій, еле-еле водя рукой по бумагѣ и «полуживого велосипеда было довольно, чтобы вызвать въ тебѣ душу велосипедиста».

23. 7. 1933.

Одинъ на платформѣ въ тѣни стѣны, босой и сбитый съ толку (сомнѣнія въ своемъ призваніи, слишкомъ много и слишкомъ безтолково написано). Утромъ ѣздилъ, умирая отъ страха, до боли въ сердцѣ, по жарѣ на велосипедѣ. Потомъ минута страшнаго отчаянья, дома съ папой при закрытыхъ ставняхъ, потомъ молитва, облегченіе, и вотъ сейчасъ опять тяжесть.

30. 7. 1933.

Вокругъ счастья.

1.

Неправота безопаснѣе! Ужасъ иллюминаціи, отъ страха отнимаются руки и такъ устаешь, что все пропускаешь, и тогда горе и успокоеніе: я же говорилъ, что Ты еще не то вовсе, и тѣ счастливы, они какъ рыбы въ этой кипящей водѣ. Временное успокоеніе стыда за свою рожу.

2.

Трудно описывать эти ощущенія. Со страхомъ и слезами. Они до того утомляютъ, что послѣ нихъ я себя два дня чувствую «стекляннымъ человѣкомъ».

Первое относилось къ «не горе, не радость, а единственное чудо Провидѣнія», и все, что было и что будетъ, какъ необходимыя безчисленныя фигуры — выпраствываніе, высвѣчиваніе, выявленіе единаго, радостнаго утвержденія добра и счастья. Это тайна абсолютнаго благополучія святыхъ, и чѣмъ сильнѣй душа, тѣмъ болѣе Господь держитъ ее рукой благодати, а чѣмъ слабѣе, тѣмъ больше надъ жизнью руки удачи.

4. 8. 1933.

1.

Перечитываль сегодня за закрытыми ставнями. Много моего все-таки здѣсь, но слишкомъ все невнимательно написано, но что это такое? Дневникъ для читателя, но для этого надо быть знаменитымъ. Мученіе безформенности, разносторонности, то самонадѣянія, то самопрезрѣнія. Но вѣдь инымъ форму дала жизнь (или безформенность, какъ Лейбницу, но эта безформенность — безформенность жизни, т. е. каждый кусокъ ея цѣлень и только нѣтъ порядка), а я попрежнему киплю подъ страшнымъ давленіемъ безъ темы, безъ аудиторіи, безъ жены, безъ страны, безъ друзей. И снова жизнь моя собирается куда-то въ дорогу, возвращается въ себя, отходить отъ реализаціи.

2.

Погоди, Ты еще не готовъ писать. Вѣчно живу въ ожиданіи какой-то радикальной перемѣны, но ничего

само не измѣнится, и нужно, нужно *mettre la pleine sauce*, какъ говорятъ авіаторы, и здѣсь страшная слабость охватываетъ голову, лѣнь, онѣмѣніе, глухота всего. И это и есть «дни безъ солнца», трудъ, вызывающій дождь, въ которомъ все и дѣлается, а иллюминація (стыдно какъ-то писать такъ просто о ней) есть только результатъ. Стало только больше вѣры, больше довѣрія къ счастью, которое будетъ, если вытерпѣть, перетерпѣть, дожидаться. Но не могу писать. Пойду опять пройдуся по городу, но сумѣю ли укачать, побѣдить боль. Сегодня почти невыносимый день, все до послѣдняго пальца руки полно болью особенной, специфической болью борьбы, безъ надежды, ибо тѣло забыло ласку, сіяніе благодати, все, все насквозь опять запыло, пропиталось грѣхомъ.

5. 3. 1934.

Мужественное сердце, сколько разъ ты уже сдавалось и бросало писать объ этомъ, потому что безформенно и неистребимо-комично написанное о послѣднихъ вещахъ. Мужественное сердце, пусть тебя не смущаетъ уродство написаннаго, помни только о темѣ, которую ты видишь передъ собою, какъ яркую звѣзду тѣла Божія — организмъ, гдѣ борются и уравниваются потоки огня, гдѣ ничто превращается въ противорѣчивое, а изъ борьбы противорѣчій вспыхиваетъ жизнь. Мужественное сердце, лучше плохо писать о глубокомъ, чѣмъ хорошо о доступномъ и въ сущности скучномъ для тебя.

19. 3. 1934.

1.

Раскрылось и погасло, такъ всегда съ днями отчаяннаго свѣта, и только осталось яркое зрѣлище невидимой живописи иллюминаціи, загадочныя картины въ ярко желто-красномъ освѣщеніи, но попытаюсь собрать какія-то крохи.

2.

Она видима только туманно и обще, а я не умѣю художественно-туманно-обще писать, вотъ почему я увязаю въ отчаянныя какихъ-то доисторическихъ деталей; а еще надо дѣлать гимнастику и идти черезъ весь городъ къ Д., но нѣтъ силъ, и я уже поѣмъ рису и останусь.

Le ridicule de toute mystique — l'impossibilité d'avancer ou de reculer dans la vie, car Dieu devient tantôt invisible par les ténèbres, tantôt invisible par l'éclat.

26. 3. 1934.

Неряшливость того, что я пишу, меня убиваетъ, брезгливость духа, не достаивающаго отчитываться, и отсюда графоманія, ибо легче написать десять плохихъ сравненій, чѣмъ докопаться до одного хорошаго.

19 мая 1934.

1.

Никогда еще такъ темно не было между Богомъ и мною. Темныя, долгія, упорныя молитвы безъ толку, однообразная жвачка, упрекъ Богу, обида на Него. Можетъ быть, возвратъ къ очевидности грѣха. Страшный,

ужасающий, холодный, яркий миръ вокругъ: все какъ будто сдѣлано изъ желѣза, изъ замерзшаго кала, все выдуманно, вылѣплено на зло. Каждое уродство — живой, ходячій, бесполезный упрекъ мнѣ... и Богу. Сухая желѣзная тяжесть жизни.

2.

Нѣмѣя, забылъ про семь голодныхъ коровъ...

Какъ всегда, между душой и Богомъ, и разучился мужеству. Молись и будешь жить. Ты слишкомъ повѣрилъ въ медитацію, въ желѣзную лапу грубаго дѣланья. Ты зазнался въ Богѣ, и вотъ расплата — полная потеря жизни и вдругъ просыпающійся въ сердцѣ голодъ: «Пути безъ возврата».

Копии жизни, окаменѣлая душа, холодъ окаменѣлаго вѣтра, ледяной скелетъ солнца, и все враждебно. *Je suis hideux, mort, calciné, ossifié* грубымъ и пустымъ мужествомъ медитаціи.

14 іюня 1934.

Синій, холодный вечеръ, дверь полуоткрыта, мама молча подметаетъ что-то. Съ утра походъ за удостовѣреніемъ. Смирение, все приму. Въ бѣлой жарѣ, полной облаковъ, колоссальные бутерброды; печаль сочувствія надъ міромъ на шестомъ этажѣ. Въ гору и гору. Безконечныя молитвы безъ отвѣта, въ то время какъ старая жизнь обваливается вокругъ, послѣднія страницы романа, страхъ войны. Снова на большой дорогѣ, обиды газетъ уже недолетаютъ (сегодня Ходас.: «доморощенный демонизмъ»). Вверхъ и вверхъ, еле вижу самого себя, мертвое опустошеніе послѣдней рѣшимости: *ou Dieu, ou rien.*

15. 6. 1935.

И снова въ 32 года жизнь буквально остановилась. Сижу на диванѣ и ни съ мѣста, тоска такая, что снова нужно будетъ лечь, часами бороться за жизнь среди астральныхъ сновъ. Все сейчасъ невозможно, ни романъ, ни даже чтеніе. Глубокой, основной протестъ всего существа: куда Ты меня завель? Лучше умереть.

17. 6. 1935.

Вчера день прошелъ въ сплошной раскаленной борьбѣ съ нестерпимымъ отчаяньемъ тяжелой безысходности. На выставку въ умопомраченіи невроза, затѣмъ кавказскіе бобы ихтиозавровой гудѣлки. И пѣшкомъ, пѣшкомъ черезъ весь городъ, отчаянно крѣпясь, борясь, защищаясь. Около Etoile неврозъ сталъ замолкать, повысаясь ростомъ, забывъ тысячи второстепенныхъ несчастій, для одного мученія основного, около Porte d'Auteuil уже еле волочилъ ноги. На счастье мое Ш. не было дома, и я, доползши домой и нажавшись какъ удавь, утонулъ въ яркомъ морѣ тысячи сновъ.

(Не разобр. слово, рѣчь идетъ объ упражненіи съ гириями) ...счастья. 40 кило à la devise на улицѣ противъ метро Danton. Легкіе, какъ перышко, полетѣли они на плечо, опьяненіе удачей съ глазами налитыми кровью, расталкивая взглядомъ прохожихъ, давя всѣхъ. Парижскій Діонисъ въ рваныхъ носкахъ.

И такъ наконецъ раскаленная ночь кончилась, и

счастье ярко вспыхнуло, лицомъ къ стѣнѣ и долго часа два не погасало.

На скамейкѣ противъ рѣдкихъ деревъ борьба за желѣзный буддизмъ пустыни. Но поневолѣ или такъ я хотѣлъ? Лицомъ къ стѣнѣ, почти въ слезахъ благодарилъ за четыре заборá, неврозъ, безработица, непечатанье, ни Россія, за (не разобр.), какъ чудо судьбы раскрылось невѣсомое молчанье свободы и изъ-за которыхъ не растерзали меня еще сладенькія менады поклонницы. Но чую, чую, что Богъ не позволить. *Réaliser une sainteté à si bon compte.*

20. 6. 1935.

*Triste est le monde, le monde est triste
La belle Rosemunde embrasse son Christ.*

Et encore une fois je fais connaissance avec le désespoir, je devrais déjà y être habitué.

Бѣлый раскаленный день, ошпаренность шомажа, постыдная растерянность, тяжелая молитва лежа. Ужасъ нищеты, высылки, младороссовъ, которые собираются на меня войною. Головная боль. *Je devrais déjà y être habitué,* и это послѣ счастья до слезъ, за такую именно судьбу.

La terreur persistante, l'angoisse sans cause, le noir ennui, три бѣдствія аскетической пустыни и три спасенія. Лицомъ къ судьбѣ, льдомъ о ее стальную поверхность, такъ и должно быть *et c'est l'existant qui hurle la mort,* мертвое ожиданіе жизни.

Старья тетради. Дописывай и ликвидируй. Доберусь ли до логики... Шаршунъ утѣшаетъ. Когда все закры-

вается, всё двери, жизнь сдавленно сосредотачивается въ Богѣ, но если и Богъ не принимаетъ?

Сны. Золотые паруса надъ чернымъ кораблемъ. Лунные ужасы. Кусокъ желатина, превращающійся въ женщину. Огромный горизонтъ раскаленныхъ астральныхъ сновъ за и вокругъ жизни. Физическая жажда смерти.

Que les saints sont sales, maussades, lents, lourds, mains noires, ennuis indiscrifiables du désert en dehors des murs du ciel.

26. 6. 1935.

Изъ мрака сплошного раскаленного лѣтняго отчаянья, изъ клѣтки желѣзной выплылъ все-таки къ работѣ. Жизнь парижскаго Діониса, раскаленная клѣтка все та же съ дѣтскихъ лѣтъ, не смерть, но и проявление — одиночная камера. *Alors occupe tout l'espace par ton corps mystique, réalise l'horreur harmonique de ton destin.*

Будійская, стихійная, неподвижная борьба за покой, потому что вся жизнь показалась, оказалась сплошной мукой: передъ витриной кондитерской сплошнымъ лисичьимъ балаганомъ передъ недоступнымъ виноградомъ, слѣдственно, сдѣлать видъ, что все равно, но вотъ не сдѣлать, а добиться «Все равно».

По поводу Темной Ночи. Темная Ночь есть передняя Бога. Темная Ночь можетъ длиться хотя бы одно мгновенье, но кто ее не сумѣлъ въ себѣ раскрыть, проваливается вдругъ въ нее умирая, потому что весь міръ съ его цвѣтами и стульями сдѣланъ, сотканъ изъ безпричинной тоски грѣха.

Все вокругъ горячее, пыльное ничто. Ни друзей, ни любви, ни среды, и даже, кажется, Шлецеръ погубилъ Аполлона. Учусь равнодушію къ его гибели.

8 іюня 1935.

Въ буддійскомъ осатанѣніи снова прошелъ черезъ весь городъ показывая чудеса антиневрозной храбрости, и снова подъ аркой размышлялъ о тюремной судьбѣ неизвѣстнаго солдата русской литературы. У М. милая пикировка съ А., *il me cherche, mais il me trouve*: сладкіе лучи его мудрости-цинизма вносили покой и обиду за стихи и даже, о позоръ, мучительную, униженную зависть къ Лидинымъ успѣхамъ.

Неврозъ, неврозъ и неврозъ. Раскаленные дни, лицомъ къ лицу съ Богомъ и съ дьяволомъ въ молчаніи Бога, въ бѣломъ ослѣпительномъ пейзажѣ пустыни, и сейчасъ не могучи работать и сдаваясь, иду куда глаза глядятъ, и, конечно, глаза мои глядятъ на *Champs-Élysées*, да и нѣтъ бумаги, такъ что машинка по-боку.

17 іюля 1935.

Pages de journal — это звучитъ гордо для писателей знаменитыхъ, обнаглѣвшихъ отъ резонанса. А для насъ это звучитъ издѣвательски мучительно. Кто знаетъ какую храбрость одинокую надо еще имѣть, чтобы еще писать, писать, писать безъ отвѣта и складывать передъ порогомъ на разность вѣтру.

Сегодня у ** отчаянье неподвижнаго эротическаго сумасшествія, вдругъ стало до того больно, что

даже голосъ ослабъ. Послѣ новой, свирѣпой, отчаянной борьбы на улицѣ, дома лицомъ къ стѣнѣ. Перестань быть мужчиной съ усами, а къмъ то будь; непоколебимо, холодно ангельски, золотой ослѣпительный міръ и сразу тьма ожиданія Бога. Вчера лицомъ къ стѣнѣ, счастливыя, полуденныя облака раскрытаго неба благодати, но не сумѣлъ вынести, онѣмѣлъ и все погасло.

Жить по прежнему едва невозможно, а писать невозможно совсѣмъ. Тяжелые, ослѣпительные дни между жизнью и смертью души.

10 іюля.

Всѣ считаютъ, что я сплю, *on croit que je dors, je prie*; такъ инѣгда цѣлый день подрядъ, въ то время, какъ родные съ осужденіемъ проходятъ мимо моего дивана. Но отвѣтъ почти никогда не приходитъ въ результатъ въ концѣ молитвы. Нѣтъ, отвѣтъ обычно медлитъ нѣсколько дней, раскаленное отчаянье городского лѣта успѣваетъ устроиться въ домѣ, парить, мучить, наливаетъ руки свинцомъ и вдругъ само собою, почти незванное сердце раскрывается до слезъ, до сопротивленія и до переутомленія.

**

Я никогда не сомнѣвался въ существованіи Бога, но сколько разъ я сомнѣвался въ моральномъ характерѣ Его любви, тогда міръ превращался въ раскаленный, свинцовый день міровой воли, а доблесть въ сопротивленіи Богу — въ остервененіе стальной непоколебимости печали...

**
*

Персонажи моихъ двухъ романовъ всѣ до одного выдуманы мною, но я искренно переживалъ ихъ несходство и ихъ борьбу, взялъ ли ихъ изъ жизни, скопировалъ, развилъ, раздулъ до чудовищности? Нѣтъ, я нашель ихъ въ себѣ готовыми, ибо они суть множественныя личности мои, и ихъ борьба, борьба въ моемъ сердцѣ жалости и строгости, любви къ жизни и любви къ смерти, всѣ они я, но кто же я подлинный? Я посреди нихъ — никто — ничто, поле на которомъ они борются — зритель. Зритель еще и потому, что изъ тьмы моей души всѣ они и многіе другіе выступили навстрѣчу людямъ меня любившимъ.

**
*

Когда садишься писать, откуда такая странная, внезапная усталость, отвращеніе, раздраженіе, истома бѣлой бумаги, съ ручкой въ рукѣ въ бѣлый тяжелый день, когда солнца не видно, но оно всюду разлито за облаками, такъ что больно смотрѣть на небо, рука сама собою рисуетъ безконечные квадраты, параллельныя линіи, профили, буквы и ни съ мѣста повѣствованіе, какъ будто не о чемъ писать. На разсвѣтѣ же, возвращаясь домой, когда переутомленіе оборачивается сказочнымъ, болѣзненнымъ, стекляннымъ избыткомъ силъ среди болѣзненно-отчетливыхъ утреннихъ домовъ и деревьевъ, цѣлыя книги во мгновенье ока раскрываются, проносятся передъ глазами, но не слѣдуетъ и пытаться записывать, мертвая, каменная усталость безъ перехода сожметъ голову и часто я засыпалъ лицомъ на тетради, гдѣ значились лишь двѣ-три совершенно бессмысленныя фразы.

22 іюля 1935.

Снова прошло полгода и кажется все тотъ же пустой, скалистый пейзажъ вокругъ: бѣлое лѣто, облака подъ холоднымъ солнцемъ, кажется все то же, то же, то же, но нѣтъ вовсе, все совершенно другое, и я знаю, хоть словъ нѣтъ чтобъ выразить, что все совершенно другое и время медленно какъ ломовая лошадь идетъ въ гору.

Никогда еще мнѣ не удавалось такъ собрать всю свою жизнь въ одну комету, пукъ, вязанку змѣй.

Comme un lourd Hercule en sueur шель я вчера черезъ Трокадеро, вырвавшись изъ сногшибательнаго невроза, изъ-за котораго на бѣлую свою безрукавку насильно пришлось надѣть пиджакъ, ни о чемъ не думая, почти ничего не видя, отстранивъ боль холоднаго лѣта и зрительное уродство воскреснаго чело-вѣчества, упершись въ одну точку, какъ слонъ *Dolly* по пути Ганнибала переходящаго черезъ Альпы.

9. 8. 1935.

Странный день. Цѣлый день до 7 часовъ спалъ, то просыпаясь, то опять засыпая въ странномъ, огненномъ оцѣпенѣніи среди духоты и солнечныхъ пятенъ не могучи, не могучи проснуться. Долгая, бесплодная молитва на половину на-яву, на половину во-снѣ, вдругъ когда я уже отчаявшись бросилъ ее сѣлъ было на балконѣ съ Гингеромъ облившись водой: привело вдругъ къ почти нестерпимому вдругъ до слезъ реаль-

ному ощущенію присутствія Христа. Легъ опять, но присутствіе это не обнаружилось, не раскрылось, а потерялось, но ощущение, что Онъ былъ гдѣ то рядомъ, не забуду долго.

21 августа 1935.

За пишущей машинкой и нездоровымъ раемъ друзей забываю писать дневникъ. Дни эти прошли въ счастливой спѣшкѣ, въ стукѣ клавишей, а ночью въ путаницѣ тысячи черныхъ лицъ на Монпарнасѣ, которыя какъ сама смерть обвиняютъ и не уйти, не достаточно счастливаго, золотого отказа: «а мнѣ и не надо».

Книги, золотое масонское счастье книгъ, преемственности, исторіи, Шеллинга, Терезы, и лишь утромъ раскаленная ослѣпительная тоска почти непереносимой августовской синевы.

Вчера ослѣпительные два часа въ остервенѣнни на-верстываемыхъ, пропущенныхъ молитвъ, а сегодня снова грѣхопаденіе сна среди дня, послѣ кругосвѣтнаго путешествія съ дыней въ рукахъ въ слабомъ, невеселомъ, разсѣянномъ стоицизмѣ.

Дописываю... дочитываю, прибираю, убираю все... Чего я жду? Смерти, революціи, улицы?..

Не слабѣй, теперь ты держишь впервые можетъ быть настоящую, крупную, мистическую игру, хотя астральные сны прекратились и изъ за двухъ дней полнаго переполоха друзей и деревни, въ душѣ величайшій хаосъ раскаленного раскаянія городского августа.

22 августа 1935.

Jour terrible, torride dans un découragement complet.

Весь проведенный на улицѣ въ ослѣпительныхъ отблескахъ солнца, безъ пиджака, борясь съ мыслями, ликами невроза, ввинчиваясь въ высокую стоическую нечувствительность.

Шаршунъ и литературная отшельническая осата-нѣлость. Удивительно красивъ за своими золотыми очками, читалъ тихимъ, мучительнымъ, скрытымъ голосомъ. Вышелъ отъ него съ отвращеніемъ къ себѣ, къ литературѣ. Нѣтъ, только между Шеллингомъ и стоиками чувствую себя на своемъ мѣстѣ.

Тереза и грустная зависть непрерывности ея благодати сравнительно съ моей нищетой. Проспавшись однако сѣлъ за работу и сейчасъ въ желтомъ огнѣ лампы выплылъ наконецъ по ту сторону всякой тоски поѣвъ сальнаго, скучнаго супа съ Ивановымъ.

Le principal dans la mystique c'est de toujours recommencer.

25 августа 1935.

Потерянный яркій и мучительный день въ хаосѣ улицъ съ Пусей. Вообще три четыре дня разслабленія, жары улицы, ходьбы, купанія, друзей и дикаго до слезъ раскаянія, когда вернувшись полуживой, въ нездоровомъ поту заваливаюсь молиться (спать) и, какъ сейчасъ, поздно ночью просыпаюсь къ яркому, тревожно-спокойно-вѣщему огню лампы.

Nuits perdues dans un brouillard des feux. Songes.

Съ кѣмъ то надъ опасными полями по которымъ вдоль безысходныхъ каналовъ разлилась зеленая вода. Споря съ нимъ и радуясь своей силѣ спиной поднимаюсь въ огненное море облаковъ, избѣгая такимъ образомъ болота и смѣясь надъ опаснѣйшими мѣстами, такъ выше и выше до самой почти вершины небоскреба, гдѣ на карнизѣ, на спинѣ каменнаго сфинкса живутъ Тащищевы. Вдругъ вижу высоту, умоляюще прошу Д. меня поддержать, ибо головокруженіе тянетъ меня внизъ вмѣстѣ съ новой сосновой рамой окна. Возвращаюсь черезъ подвалы полные переполоха колдуновъ, заклинанія которыхъ я забылъ, и спѣшно вспоминая, перевираю.

15. 9. 1935.

J'ai cent francs. Je pourrai m'acheter du papier, des chaussures, aller chez le coiffeur.

Aujourd'hui la journée resplendissante à faire pleurer de tendresse, de tristesse, de resignation. Hier journée à mi-voix. Tristesse, sommeil et faible lutte avec Dieu.

Съ утра дождь въ окно, свѣжесть, домашняя милая чепуха. Проснулся со стеклянной головой вдругъ странно полегчавъ и помолодѣвъ какъ всегда отъ переутомленія. Вчера измучился до утра въ отблескахъ свѣтскихъ декадентскихъ лампъ; съ Ростиславомъ, Роза и Пусей въ кафе у вокзала и на улицѣ, разоблачая ему проституціонную атмосферу. Луна неподвижно стояла среди пятнистыхъ облаковъ, день былъ измученный, полурабочій, но удовлетворенный концомъ романа. Теперь мечта купить новый сѣрый блокнотъ для

продолженія рукописнаго блуда. Да, былъ еще на *marché*, оргія съ брюками, какъ давеча оргія съ ботинками и вдругъ подъ самымъ носомъ изъ-за рѣшетки Пуса подкравшись, какъ вурдалакъ, испугаль меня.

Въ мистическомъ мірѣ туманъ; слабый, упорный трудъ, *rélâche générale*.

20 septembre.

Hier grande crise mystique, debutée par une lourde lecture demi-consciente de mes cahiers sacrifiés par le cataclisme qui avance. Somnolence, méditation noire. Suffocation de l'abondance. Monde mystique soudain visible à grand renfort de figures symboliques. Joie énorme de rapport personnel avec Dieu. Larmes. Grand rassemblement des amis astrales. Mon Dieu fais-moi travailler. Grande difficulté de réadaptation à la réalité.

23, понедѣльникъ.

Три дня отдыха, три дня несчастій — полужизни, полуроботы, полусна. Истерика со светерами. Мертвый, навязчивый карточный хаосъ до утра, до изнеможения, до чернаго отчаянія. ** съ библейской мягкостью страдающей стриженной головы. ** факирскіе утѣхи домашняго прорицателя. Муки, маніи преслѣдованія — маніи величія, планы равнодушія и мести тотчасъ забытые, темныя медитаціи сквозь гвалтъ и топотъ дома, при сиротливо открытой двери на по осеннему тревожно яркое небо. Черные ужасы съ шомажемъ, а вдали надъ домами ослѣпительный бѣлый че-

ловѣкъ облаковъ манить повернувъ голову, лежащій въ синевѣ. Жаркій день, позавчера истерика поминутно то снимаемого, то одѣваемого пиджака, и медленный, чуть видный возвратъ изъ переутомленія къ жизни, сквозь недостатокъ храбрости, величія, торжественности, обреченности.

24 сентября 1935.

Гигантскимъ прыжкомъ въ грохотъ слоновыхъ подошвъ, закончилъ трудовой день въ сторону кота, энигматическая астральная жизнь котораго интригуешь мои досуги. Сумерки, свѣтъ зажегъ я обернутый бумагой надъ папой и мамой и ихъ сложно-психологическими бобами. Свѣтъ зажегся чуть сжавъ сердце знакомымъ ощущеніемъ непоправимости и оставленности. Цѣлый день Кантъ, разсужденіе объ абсолютѣ на желтой бумагѣ съ бахромой, сонные обмороки между десятками страницъ, передъ открытой дверью, гдѣ въ неправдоподобной синевѣ рѣютъ надъ каменнымъ сортиромъ астрально-бѣлыя полотенца. Мгновенные сны. Четыре руки вмѣсто двухъ; двѣ борются съ двумя. С. И. котораго пытается обнять моя раздвоившаяся личность, матерчатая его круглая; коричневая голова, видѣлъ идучи ночью. Страшный, мгновенный ужасъ испытующаго Божьяго присутствія, какъ тараканъ прижимаясь къ землѣ лопочу о томъ, что пытаюсь по немногу, неуклюже соотвѣтствовать невыполнимому, недостижимому.

Ф. встрѣченный утромъ, желѣзными глазами пустыни пробудившими вдругъ старыя обиды «не пригласили». Мука ослѣпительной улицы въ хаосѣ кош-

маровъ. Счастливое возвращеніе домой, газета. Вѣч-
ность солнечнаго движенія надъ Кантомъ и желтой бу-
магой.

26. 9. 1935.

Жалкій солнечный день «послѣ иллюминаціи» и по-
слѣ шомажа, тяжелая звенящая голова, скромное
упорство непечатныхъ трудовъ подѣ астральный, ад-
скій хохоть оскаленныхъ рожъ. Трудъ съѣдающій
жизнь.

Вчера огромный день съ тысячею приключеній.
Утромъ переписыванье «Сопротивленія музыкѣ»^{*)}.
Счастье хорошаго рабочаго въ золотой сферѣ вещей
и инструментовъ, и вдругъ ужась неблагодарности Бо-
гу. Кантъ почти до изнеможенія, подѣ грохоть чужой
человѣческой ерунды. Молитва въ слезахъ: Прійми ме-
ня на работу, *ne me chasse pas de Ton chantier*. Цент-
ральная станція знакомствъ и центральная стан-
ція по квалификаціи умовъ. Слезы, среди ро-
пота двухъ семей, живой и мертвой. Пробужденіе,
потемки, походъ съ раскаяніемъ сердца и снова мяг-
кая почти пуховая, лебединая, строгая нѣжность об-
реченнаго, блѣднаго, монгольскаго лица среди неочи-
данной (слово неразобрано) и *amitié dans l'horreur
du sacrilège sensuel*.

^{*)} Статья наспѣхъ взятая кѣмъ то сразу послѣ смерти
Б. Поплавскаго и никогда не возвращенная.

Ne pleure pas, la vie est terrible, говорю я себѣ становясь на колѣни, ища тетрадь въ нервномъ бѣшенствѣ тревожнаго бесплодія. Цѣлый день Петръ I до боли въ глазахъ, а когда желтое, мертвое солнце на краю неба освѣтило стѣну дневника, при двойномъ свѣтѣ оранжевой лампы, сердце сжалось отъ знакомаго отчаянія непоправимаго, измученности и мертваго изступленія упрека. Вчера день пропалъ въ унизительномъ пѣшемъ хожденіи подъ дождемъ между ** и ** одинаково неприятными, не страшными, не напряженными. Ночью въ хаосѣ сонливости попытка молитвы какъ и позавчера послѣ цѣлаго дня на улицѣ съ Пусей, въ протертыхъ, Ардашевскихъ штанахъ, ослѣпленный, оглушенный безчисленными молніями жизни, богатства, красоты.

Сны. Я передъ неминучимъ судилищемъ скрываюсь, удираю, упываю по гнутымъ корридорамъ въ подземное царство нищихъ, но все равно, некогда, нѣтъ и лучше сдаться.

Утромъ во тьмѣ упрековъ дикая вспышка ** полумужского тѣла, глухая борьба, дневные сумерки. Снова ужасъ жизни и войны дикими буквами кричащей на первой страницѣ газетъ. Лягу, буду молиться, можетъ быть пройдетъ злая дрожь отчаянія.

О СУБСТАНЦИОНАЛЬНОСТИ ЛИЧНОСТИ.

Снял все таки этот «субъективный»
кусть со стола. Солнце, отшельни-
чество, трудъ, счастье.

5. 10. 1935.

I.

Весь нѣмецкій идеализмъ явственно пронизанъ буддѣйскими настроеніями, отсюда его спокойное величіе и его музыкальность, потому что музыка на мой взглядъ есть раньше всего аспектъ связи частей въ цѣломъ, аспектъ тайной власти цѣлаго надъ частями, а также аспектъ вѣчнаго схематическаго повторенія всего, потому сюперъ-индивидуалистическіе народы «истинные демократы», какъ голландцы, шведы, англичане, французы не создали большой музыки и только французское декадентство (т. е. тѣ, кто чувствительны къ просвѣчиванію имперсональнаго небытія сквозь жизнь) создало «великую упадочную музыку». Дебюсси, Сенъ-Санса, Равеля. Все это потому, что музыка, на мой скромный взглядъ, по существу пѣсня о цѣломъ и слѣдственно персональное въ ней «мистически ощущается», ибо гипертрофія личности есть

раздробленіе, расчлененіе, глубокое сократіе «тѣни цѣлаго». Но могутъ ли быть музыкальныя народы до личности вообще не додумавшіеся? Нѣтъ, кажется мнѣ, и поэтому и активное ее отрицаніе глубоко анти-музыкально, какъ антимузыкаленъ всякій фашизмъ особенно совѣтскій, потому что если въ демократіяхъ цѣлое принесено въ жертву безчисленнымъ частямъ, то въ совѣтскомъ фашизмѣ части могущественно принесены въ жертву цѣлому, но ни цѣлое, ни части не музыкальны въ себѣ, ибо они и не діалектичны, а музыкально лишь рожденіе и гибель частей на фонѣ цѣлага и слѣдственно временность и феноменальность всего индивидуальнаго на фонѣ абсолюта, но временность не естественно, а трагически поглощаемая Абсолютомъ, трагически, т. е. въ великой меланхолиі своей особенной и вѣчно попираемой цѣнности.

Въ общемъ сила нѣмецкаго идеализма въ его связывающей, все объединяющей гармонизирующей цѣлостности и поэтому мыслительно отсталая Франція додумалась до музыки только въ Бергсоновскія-Прустовскія времена. Ибо нѣмецкій идеализмъ лежитъ въ основаніи нѣмецкой музыки, по счету въ сущности второй, ибо первая музыка есть музыка произвольной пѣсни, орнаментальна; декоративную и лирическую - цыганскую стадію никогда русская музыка не перешла ни въ лицѣ Мусоргскаго, ни въ лицѣ Стравинскаго — этого пѣсенника, клоуна-декоратора по существу. Вторая музыка — есть музыка смерти или небытія, сквозящаго сквозь половую оптимистическую пѣсенную стихію и это есть Моцартъ, Бетховенъ, Шубертъ, Шуманъ, Вагнеръ, наконецъ третья музыка должна была бы быть музыкой воскресшаго въ Хри-

стѣ Пана, Пан-христіанской — союза безсмертія и солнечнаго жара, которые трагически разлучены въ предыдущемъ союзѣ, ибо солнечный жаръ въ немъ есть польъ и слѣдственно, смерть, а безсмертіе есть аскетизмъ, стоицизмъ и раньше всего холодъ высоту. Такъ къ третьей музыкѣ касается на мой взглядъ едва ли только одинъ Бахъ, единственный безспорный оптимистъ германской мистики.

2.

Отсюда и особая слабость идеализма, а именно его внѣжизненность или вѣрнѣе его пессимистическая, печальная, поющая хрустальность нашедшая свое выраженіе въ послѣднемъ изъ великихъ метафизиковъ 19 вѣка, Гартманѣ.

Гартманъ въ своемъ ученіи о феноменальности личности еще разъ призналъ скрытый буддизмъ идеализма и все ученіе о снѣжномъ комѣ памяти Бергсона есть возраженіе на это ученіе Гартмана, у котораго онъ перенялъ всю свою теорію о безсознательной творческой эволюціи къ личности и сознанію основанной на изслѣдованіи ослѣпительной телеологіи животныхъ формъ.

3.

Что въ сущности личность съ точки зрѣнія идеализма? Личность есть сама сущность міра, или абсолютно общая его основа, однако явленная въ самомъ большемъ противорѣчій съ самой собою, ибо въ личности основа наиболѣе (не разобр. слово). Слѣдовательно праведность личности заключается въ макси-

мальномъ приведеніи себя какъ внѣшнее, въ гармонію съ собою, какъ сущность, т. е. *de facto* имперсонализация, деперсонализация, отрицаніе себя какъ личности, что и реализуется въ холодной имперсональной зрительной позиціи ученаго. Ибо, если личность есть самосознающій абсолютъ, моментъ личности въ ней чисто служебень и несущественень. Въ существенномъ же, т. е. въ смыслѣ своей субстанціональности, она есть самъ Абсолютъ. Отсель оттолкновение идеализма отъ идеи безсмертія души, ибо личность де и такъ безсмертна въ существенномъ, ибо Абсолютъ безсмертенъ, личное же въ личности какъ разъ несущественно и поэтому и не нуждается въ безсмертіи: «отдохнуть въ Абсолютѣ» на устахъ учениковъ Шеллинга всегда означало умереть, вѣрнѣе учили они «примириться съ Абслютомъ», т. е. исчезнуть какъ личность, раствориться, какъ волна на лонѣ сіяющаго мірового океана. Это прямо подготовило и облегчило путь перехода учениковъ Гегеля къ воинствующему матеріализму, но уже въ отличіе отъ предыдущаго матеріализма 18 вѣка, біологически, позитивистически настроеннаго. Личность въ немъ безсмертна: въ чловѣчествѣ — у Конта, въ родѣ — у Спенсера, въ вѣчной діалектической экономической конструкціи у Энгельса.

4.

Ибо въ высшей степени важенъ вопросъ, который является слабѣйшимъ мѣстомъ ученія Бергсона о безконечности качественного различія окрашено мистическаго бытія, что, если все индивидуально, какъ воз-

можно во первыхъ общеніе, во вторыхъ вся глубина неиндивидуальнаго — общаго міроощущенія, напр. какъ возможны: семья, нація и общее антропологическое сознаніе половъ, какъ вообще возможна сексуальная жизнь пассивная, а именно такая въ которой одинъ человѣкъ открыть безконечному количеству другихъ не вѣдая самого себя, слѣдовательно какъ возможенъ развратъ, національное сознаніе, музыка, религія? Ибо если человѣкъ абсолютно индивидуаленъ, «смотрѣть въ себя» ему совершенно бесполезно, ибо дальше своего носа и «неповторимаго пупа», онъ, все равно, не увидитъ, если же познаніе другого, внѣшняго, совершается внѣшнимъ образомъ, то какъ можетъ интуиція окраситься внѣшнимъ бытіемъ, если она *a priori* не можетъ стать безцвѣтной, объективно воспринимающей, если она вѣчно прикована къ своей субъективной окрашенности. Человѣкъ или ничто — все, внутри себя, въ виду призрачности своей индивидуальности, видящей весь свѣтъ и все какъ черезъ лишь слегка замутненное индивидуальностью стекло, а также посредствомъ внѣшней интуиціи будучи ничто, теплымъ, мягкимъ, восковымъ зеркаломъ отражающимъ, воплощающимъ что угодно; или онъ совершенно слѣпъ, навѣкъ ослѣпленъ своимъ неповторимымъ субъективизмомъ, внутри себя видя только себя, во внѣ только похожее на себя. Бергсонъ все таки не смѣетъ отрицать абсолютную, чистую имперсональность разума, но къ разуму онъ относится съ пренебреженіемъ и непостиганіе имъ столь же чистой имперсональности интуиціи дѣлаетъ его ученіе о интуиціи совершенно вздорнымъ. Человѣкъ именно потому и видитъ все бытіе насквозь во внутреннемъ, ог-

ненномъ зеркалѣ либидо (которое, кстати, и есть сѣдалище музыки), что слой персонализаціи въ немъ очень слабъ и за нимъ онъ и міръ одно на трагическомъ лонѣ мірового пола, пониманія коего Бергсонъ лишень.

Но слѣдуетъ ли изъ этого, что я отрицаю понятіе личности, какъ снѣжнаго кома памяти?

Нѣтъ, совершенно не слѣдуетъ, но воспоминаніе о имперсональныхъ актахъ никогда не составляетъ персональный снѣжный комъ, слѣдовательно неповторимое рождается лишь при безуміи либидо, т. е. при утвержденіи иной личности за абсолютъ, вопреки всякому смыслу, оно неповторимо, ибо оно анти-природно, но составляетъ только слабѣйшій чуть замѣтный слой «сознательно сумасшедшаго, т. е. морального бытія».

Всякая комбинація индивидуальныхъ красокъ никогда не создаетъ личность, ибо она не вопросъ пропорцій, а вопросъ безумія морали, ибо только моральные акты свободны и слѣдственно неожиданны, непредставимы, однако положены за абсолютъ бытія. И, слѣдственно, только слабый, тонкій слой индивидуаленъ въ человѣкѣ, ибо не сексуальная, не разумная, и не аскетическая жизнь вовсе не индивидуальны, а лишь личная дружеская жизнь. Рай и Царство друзей.